



*Посвящается Аддисону и Эйдану*



---

*Одиннадцать лет назад*

У него на воротнике след от губной помады. Она замечает это, но ничего не говорит, просто стоит и нервно качает на руках плачущего ребенка — вверх-вниз, вверх-вниз, словно игла швейной машины, которая стучит по ткани. Опять это жалкое вранье, это вечное «извини, что опоздал, просто...», которое она слушает почти каждый вечер. Заготовил, похоже, целый список оправданий и попеременно их выдает: то в пробке застрял, то коллегу со сломанной машиной выручал, то завис на телефоне с возмущенным страхователем, которому не возместили ущерб от пожара... Чем подробнее объяснение, тем больше она убеждается во лжи. И все-таки хранит молчание. Стоит выразить недоверие, и он сразу вспылит, обвинит во всем ее же — мол, «хочешь сказать, я вру?!». Поэтому она и не заикается. К тому же в ее случае раздувать скандал из-за губной помады — не иначе как двойные стандарты.

— Ничего страшного, — говорит она, отводя взгляд от воротника.

После они ужинают, чуть позже смотрят телевизор. Затем она укладывает малышку спать, покормив прямо

## МЭРИ КУБИЦА

перед сном, чтобы та не проголодалась и не проснулась, пока мамы не будет дома.

Выйдя из спальни во всем спортивном, сообщает, что пошла на пробежку.

— Сейчас? — удивляется он.

На часах больше десяти.

— А что такого?

Он долго смотрит на нее с непроницаемым выражением лица.

— Когда люди поступают так безмозгло, им обязательно приходит конец.

Интересно, что именно он подразумевает под безмозглым поступком: выходить на пробежку на ночь глядя или изменять мужу? Лучше верить, что первое.

Она нервно сглатывает. Весь день мечтала об этом часе и отступать в последнюю минуту не намерена.

— А когда еще мне идти? — Круглыми сутками дома одна с ребенком. Времени на себя совсем нет.

— Как знаешь, — пожимает он плечами и, встав с дивана, отправляется спать.

Она выходит через парадную дверь, оставляя ее незапертой, чтобы не брать с собой ключи, и пробегает первый квартал на случай, если он станет следить из окна спальни.

Забежав за угол, она останавливается и набирает сообщение:

*Я скоро.*

Следом приходит ответ:

*Жду.*

Она тут же удаляет переписку. Неужели по ней, как и по ее мужу, сразу все понятно? Неужели ее действия так же очевидны, как губная помада на воротнике? Да

нет, вряд ли. Муж у нее вспыльчивый: на ней бы давно живого места не осталось, будь у него хоть малейшее подозрение, что, уходя из дома, она отправляется в конец Четвертой авеню, в сотне футов от крайних домов, садится в припаркованный там автомобиль и занимается сексом с каким-то типом.

Тихая вечерняя улица... Только этого часа она всегда с нетерпением и ждет, предаваясь мечтам о том, как, пусть и недолго, ей будет хорошо с едва знакомым мужчиной.

Он не первый, с кем она изменила мужу. И не последний.

После рождения ребенка она хотела остановиться, не изменять больше, но оно того не стоило.

Зовут его Сэм; впрочем, не факт, что это настоящее имя. Уже несколько месяцев они время от времени встречаются, когда кого-то из них обуревают желание. Как ни странно, познакомились они во время ее беременности — некоторых мужчин это заводит. С ним она чувствовала себя сексуальной, даже несмотря на набранный вес, чего не бывало с мужем.

Сэм женат. На протяжении того недолгого времени, что они видятся, он снимает кольцо и кладет его на приборную панель, будто освобождаясь от вины. Она же кольца не снимает — ведь если кто и виноват в ее изменах, так это муж. Око за око, только и всего.

В небе мерцают звезды, среди них показывается Венера. От стылого вечернего воздуха кожа покрывается мурашками, и она представляет, как ей будет тепло у Сэма в машине.

Сзади раздается шум — что-то приближается. Она оборачивается и всматривается в улицу, но в темноте ничего не разглядеть. Наверное, какой-то зверек роется в мусоре. Она снова оглядывается, а потом ускоряет шаг.

## МЭРИ КУБИЦА

Хотя она не из пугливых, на ум сами собой приходят всевозможные «а вдруг». А вдруг муж что-то заподозрил? Вдруг это он за ней следит? Вдруг он обо всем знает?

Да нет, не знает. Откуда? Врать она научилась.

А вдруг обо всем узнала жена Сэма? Мало ли что он ей там говорит, уходя из дома... Они с ним такое не обсуждают, да и в принципе говорят немного, за исключением пары-тройки дежурных фраз при встрече.

*«Ты такая красивая!»*

*«Целый день этого жду».*

Они не влюблены и свои семьи оставлять не собираются. Ничего такого. Лично для нее такие встречи — побег от реальности, облегчение, месть...

Вновь слышится какой-то шум. Она в очередной раз оборачивается, теперь уже в неподдельном ужасе. Вокруг по-прежнему ничего и никого. Нервы пошаливают, и не покидает чувство, что за ней неотрывно следят.

Она переходит на бег, но вскоре спотыкается из-за развязанного шнурка. Ее охватывает растерянность, тревога, желание поскорее скрыться с этой пустынной улицы в машину. Со всех сторон давит неприятный мрак.

Она замечает движение сбоку. Что там такое? Или, может, не что, а *кто?*..

— Кто здесь?

В ответ — молчание.

Она старается отвлечься мыслями о Сэме, о его теплых и нежных прикосновениях...

Наклонившись завязать кроссовку, снова слышит шум сзади, и теперь на горизонте отчетливо показываются фары несущегося на большой скорости автомобиля. Спрятаться уже не выйдет.

## ЧАСТЬ I

ДИЛАЙЛА

---

### *Наши дни*

Слышу шаги над головой. От одного этого звука в груди у меня колотится, коленки трясутся, а в горле стучит сердце.

Это шаги тетеньки. Я догадалась, потому что она всегда ходит босиком, а дяденька — в обуви. Тетенька шагает легче, не топает так сильно, а у дяденьки шаги громкие и глухие, прямо как гром по ночам.

Дяденька сейчас тоже наверху, потому что слышно, как они разговаривают. Своим противным злым голосом тетенька говорит, что нам пора дать поесть. Она будто бы за что-то на нас сердится, хотя мы, по-моему, ничего такого не сделали.

Наверху щелкает замок. Дверь резко открывается и впускает полоску света, который режет мне глаза. Щурясь, я вижу тетеньку: в уродливом халате и уродливых тапочках, ноги тощие, с острыми коленками, в синяках, а волосы лохматые. Она хмурится, потому что ей надо кормить нас с Гусом.

Тетенька наклоняется и со звоном бросает что-то на пол. Если она видит, как я тут прячусь в темноте, то, значит, нарочно не глядит в мою сторону.

Место, где нас держат, похоже на коробку. Четыре стены да лестница вверх. Я это знаю, потому что голыми руками ощупала каждый дюйм<sup>1</sup> этих шершавых стен в поисках выхода, посчитала, сколько шагов от одного угла до другого. Примерно пятнадцать, смотря какая длина шагов и размер ноги, а он у меня точно стал больше — ведь ботинки, в которых я сюда попала, на меня больше не налезают. Они перестали налезать давным-давно, сейчас в них едва всовывается большой палец. Поэтому я хожу босиком. Одежда только та, что на мне; не знаю, откуда она, но попала я сюда в другой. Старая одежда стала мала, и тетенька где-то достала новую. Она тогда из-за этого сильно злилась, как сейчас злится, что нас с Гусом кормить надо.

Каждый день эту самую одежду я и ношу. Не знаю, какая она из себя, ведь тут темно; знаю, что это широкие штаны и футболка с короткими рукавами, потому что я постоянно тяну их вниз, когда делается холодно. Иногда тетенька унюхивает, что от меня очень уж сильно воняет, и заставляет меня голышом стоять на холоде прямо перед Гусом и ждать, пока она вымоет мои штаны с футболкой. Она тогда меня всяко обзывает, например «неблагодарная дрянь», ведь ей неприятно отмывать мою одежду.

Темнота тут кромешная. Такая, к какой даже глаза привыкнуть не могут. Я, бывает, нет-нет да и повожу рукой перед глазами — думаю, может, чего увижу... Однако никак. Можно было бы подумать, что у меня пропала рука — взяла вдруг да оторвалась от тела, — но тогда было бы больно и текла кровь. Я, конечно, саму кровь в темноте не увидела бы, зато почувствовала бы мокроту и боль, когда рука отрывалась.

---

<sup>1</sup> 1 дюйм = 2,54 см.

Иногда мы с Гусом играем в «Кто первый забойтся». Это игра, когда надо ходить от стены к стене, пока кто-то не струсит стукнуться лицом о стенку. Главное правило — руки надо держать по швам, а если ощупываешь ими, то это жульничество.

Сверху лестницы зовет тетенька, колючим таким, будто шипы на кустах с розами, голосом:

— Я тебе тут чего, официантка, что ль? Коли жрать хочешь, так поди сюда да возьми. — И захлопывает дверь. Замок щелкает, и шаги удаляются.

Тетенька нас и не кормила бы совсем, если б дяденька не заставлял, потому что ему, как он однажды сказал, «крови на руках не надо». Я долго пыталась не есть, но потом от голода голова кружилась и я была совсем слабая, да и живот так сильно разболелся, что поесть все-таки пришлось. Тогда я решила, что лучше уж как-то по-другому умереть, чем от голода, а то так слишком уж больно.

Но все это было еще до Гуса, потому что он как сюда попал, умирать мне перехотелось, ведь тогда он остался бы тут один. А мне не хотелось, чтобы Гус тут был совсем один-одинешенек.

Пол здесь жутко твердый и холодный, настолько твердый, что если долго сидеть на одном месте, зад сначала весь немеет, а потом его покалывает. Ноги у меня страшно устали, хотя такого и быть-то не должно, я ведь только и делаю, что сижу. Им не от чего устать, хотя, наверное, поэтому они и устали. Забыли совсем, как ходить да бегать.

Ступенька за ступенькой, я с трудом поднимаюсь наверх. Свет сюда никакой не попадает, ведь мы под землей. Нет ни окон, ни щелки между дверью и полом.

Дяденька с тетенькой, которые живут наверху, светом со мной и Гусом не делятся.

Я столько раз поднималась по этой лестнице, что видеть ее мне и не надо. Просто иду и считаю ступеньки — их двенадцать. Они сделаны из грубого дерева, от которого в ногах иногда остаются занозы. Я их не вижу, просто чувствую, как они колются. Мама мне всегда вытаскивала занозы пинцетом. Сейчас их никто не достает, и я вот думаю — когда-нибудь они сами выпадут или останутся навсегда и сделают из меня маленького дикобраза?

Наверху лестницы нас с Гусом ждет собачья миска. Ее я тоже не вижу, но чувствую гладкие краешки. Когда-то в этом доме жил пес. Теперь его нет. Помню, лаял и цокал когтями по полу, и мне казалось, что однажды он придет да выпустит меня. Либо выпустит, либо сожрет живьем, потому что пес был огромный и злой, судя по лаю.

Тетеньке не нравилось, когда пес лаял. Она постоянно просила дяденьку его заткнуть — «или ты его заткнешь, или это сделаю я!», — и однажды лай с цоканьем прекратились, а пес исчез. Пса этого я ни разу не видела; наверное, выглядел он как тот пес Клиффорд из детских книжек — такой же большой и красный.

...В миске какая-то жижа навроде овсянки. Я беру миску вниз и сажусь на твердый холодный пол, спиной к бетонной стене. Предлагаю жижу Гусу; он отказывается, говорит, не голодный. Я стараюсь есть, но на вкус слишком уж гадко. Боюсь, что меня вот-вот вырвет, однако все равно ем, хотя глотать все труднее и труднее — приходится впихивать. Делаю я это, чтобы потом не болел живот, а то кто знает, когда теперь тетенька нас покормит. Во рту у меня много слюны, и это

нехорошо — так делается прямо перед тем, как вырвет. Жижа срыгивается, и я ее снова глотаю. Уговариваю Гуса тоже хоть немного поест, он ни в какую. Его можно понять. Порой лучше голодать, чем есть то, что готовит тетенька.

У нас с Гусом есть небольшой унитаз. Прямо тут, в темноте, мы делаем свои дела и молимся, чтобы дяденька или тетенька не зашли. Мы с Гусом договорились: когда надо в туалет ему, я ухожу в другой угол и мычу, чтобы ничего не слышать, а когда надо мне — так делает он. Туалетной бумаги у нас нет, руки, как и остальное, помыть тоже негде. Мы ужас какие грязные — правда, это не важно, только если наш запах не выводит тетеньку из себя.

Ванну мы тоже не принимаем. Порой нам приносят ведро холодной мыльной воды, и тогда мы, раздевшись догола, моемся руками, а потом стоим и, замерзая, сохнем.

Тут очень сыро — холодная липкая влажность, будто пот, который никогда не пропадает. Когда на улице дождь, по стенам бегут струйки воды, возле меня на полу собираются лужицы, и я шлепаю по ним босиком.

Иногда я слышу, как в лужах кто-то барахтается. Слышу, как оно когтями скребет по полу и стенам. Хоть я ничего не вижу, у меня есть мысли, кто бы это мог быть, только до конца я не уверена.

Вот что я точно знаю: тут есть пауки и чешуйницы. Их я тоже не вижу, но иногда, когда получается уснуть, чувствую, как они по мне ходят. Я бы закричала, но что толку-то? Так и ползают. Им, поди, как и мне, не очень-то тут нравится.

После того как ко мне посадили Гуса, я хотя бы не одна. Все же легче, когда кто-то есть рядом и знает, что со мной творит тетенька. Обижает меня чаще именно